

**«МОНТЕЛИУС» ТУРКЕСТАНСКИХ СТЕПЕЙ:
ПЕРЕПИСКА М.П. ГРЯЗНОВА И А.М. ТАЛЬГРЕНА
(1926–1930 гг.)**

Переписка сотрудника Этнографического отдела Русского музея М.П. Грязнова и финского археолога, редактора журнала «Eurasia Septentrionalis Antiqua», профессора А.М. Тальгрена донесла до нас самую разнообразную информацию о деятельности Грязнова во второй половине 1920-х гг. Темой диалога явились прежде всего поиски и достижения молодого российского ученого. Общение с одним из ведущих европейских археологов, безусловно, придало импульс для творческого роста Грязнова и способствовало его становлению как исследователя.

Ключевые слова: история археологии, переписка, «Материалы по этнографии», «Eurasia Septentrionalis Antiqua», бронзовый век, Западная Сибирь, Алтай, Казахстан.

DOI: 10.14258/tpai(2014)2(10).-09

М.П. Грязнов принадлежит к первому послереволюционному поколению археологов, пришедших в науку в начале 1920-х гг. Труды именно этой генерации исследователей сыграли базовую, фундаментальную роль в развитии советской археологии и этнологии. Формирование Михаила Петровича как исследователя всецело связано с палеоэтнологической школой в русской археологии конца 1910–1920-х гг., для которой были характерны неразрывная связь с этнографией и физической антропологией, повышенное внимание к географической среде обитания древнего человека, а также к технике изготовления и функциям археологических предметов [Платонова, 2010, с. 178]. В лекционных курсах и лабораторных практикумах С.И. Руденко и С.А. Теплоухова в Томском и Петроградском университетах, а также уже в первых экспедициях в Минусинской котловине и под Томском Грязнов получил методические навыки работы не только с археологическими, но и с этнографическими, антропологическими и остеологическими источниками. Не случайно его первые научные труды – это методические пособия по сбору и обработке палеоантропологических и палеозоологических остатков из археологических раскопок [Всевиов и др., 2012, с. 63]. Столь же не случайна тяга молодого ученого к разработке статистико-комбинаторных методов анализа и классификации археологического материала, археологической трасологии [Грязнов, 1941, 1982]. Наследие палеоэтнологической школы пронизывает все научное творчество Грязнова, касается ли это восстановления облика древних культур или его блистательных вещеведческих этюдов.

Своим главным учителем в археологии Михаил Петрович по праву считал С.А. Теплоухова. Но важно помнить, что в томском и ленинградском круге общения Грязнова было немало фигур, оказавших влияние на формирование его как личности и ученого (В.Ф. Смолин, С.И. Руденко, Ф.И. Фиельструп и др.). Круг этот, как выясняется, был гораздо шире и выходил за пределы России. В 1924 или 1925 г. М.П. Грязнов познакомился в Ленинграде с А.М. Тальгреном, одним из ведущих европейских археологов того времени, признанным специалистом по археологии бронзового и раннего железного веков Северной Евразии, человеком, которого А.А. Спицын по праву относил и к числу российских археологов [Кузьминых, 2011, с. 18] (рис. 1).

С 1926 г. между Грязновым и Тальгреном завязалась переписка и, судя по всему, по инициативе финского ученого. По контексту первого письма можно понять, что Грязнов отвечает на вопросы Тальгрена и обращается к нему как к хорошо знакомому коллеге. Длилась переписка, к сожалению, недолго – около пяти лет и прервалась, вероятно, в середине 1930 г. Прежде чем перейти к характеристике писем, несколько слов о том, какой научный путь прошли наши корреспонденты к тому времени.

Рис. 1. А.М. Тальгрэн в 1920-е гг.
Архив Музейного ведомства Финляндии

Финский археолог Арне Михаэль Тальгрэн, или Михаил Маркович, как величали его в России, несмотря на ряд важных исследований по археологии Финляндии и истории финской науки [Kivikoski, 1954a, 1954b], на протяжении всей своей научной деятельности оставался верен выбору евразийской проблематики – от первых работ 1908 г. и диссертации («Медный и бронзовый век севера и северо-востока Европейской России») [Tallgren, 1911] до статей 1937–1938 гг. на эту тему в завершающих номерах журнала «Eurasia Septentrionalis Antiqua» [Kivikoski, 1954b, p. 138, 139] и последнего публичного доклада 1944 г. о русском палеолите [Kivikoski, 1954a, p. 119].

По завершении диссертации Тальгрэн в работах 1910-х гг. определил поле своих дальнейших исследований: бронзовый век евразийского пространства от Урала до Саяно-Алтая с прилегающими территориями. Первое же знакомство с материалами российских музеев заставило его усомниться в правомерности теорий Кастрена и Аспелина об урало-алтайском бронзовом веке как «колыбели» финно-угорских народов [Салминен, 2011]. Бронзовый век к западу от Урала Тальгрэн никак не мог признать генетическим «отпрыском» сибирского и связать его формирование с миграцией финно-угорских народов из Азии. Уже в диссертационном труде ему удалось доказать, что бронзовый век на севере и северо-востоке Европейской России – явление самостоятельное, сформировавшееся на основе местного каменного века и под влиянием южных степных культур.

Поездка 1915 г. в Сибирь, помимо желания осуществить раскопки в минусинских степях, ставила своей целью найти ответы на вопросы – что являл из себя урало-алтайский бронзовый век, был ли он един и в чем была его специфика? Тальгрэну предстояло прояснить и разрешить все сомнения, касавшиеся гипотезы об урало-алтайском бронзовом веке. Эта поездка и работа в сибирских музеях подтвердила его более ранние выводы: единого урало-алтайского бронзового века не существовало, не могло быть и речи о том, что появление финно-угров в исторических местах их проживания связано с миграцией в бронзовом веке из Сибири.

Длительная экспедиционная поездка в Россию в 1915 г. стала началом наиболее продуктивного периода в творческой жизни А.М. Тальгрена. В 1916 г. он издал исследование о бронзовом веке Волго-Уралья и каталог знаменитой коллекции В.И. Заусайлова [Tallgren, 1916]. В 1917 г. вышел аналогичный труд о бронзовом и раннем железном веке на Енисее и каталог коллекции И.П. Товостина [Tallgren, 1917]. В 1918 г. опубликован 2-й том труда о коллекции Заусайлова с обзором материалов железного века и болгарской эпохи Волго-Камья [Tallgren, 1918], вышел ряд статей о бронзовом веке Урала [Kivikoski, 1954b, p. 130]. В 1919 г. появилась книга об ананьинской культуре – вторая часть его диссертационного труда [Tallgren, 1919]. По сути, Тальгрэн завершил всю подготовительную работу, чтобы реализовать намеченный план по созданию сводного монографического труда об урало-алтайском бронзовом веке. Но в начале 1920-х гг. финский археолог всецело переключился на другие исследовательские проекты, хотя археология Урала и Сибири по-прежнему оставалась в сфере его пристального внимания. Свидетельство тому – серия научно-популярных очерков об археологии Урала, Алтая и Минусинской котловины в газете «Helsingin Sanomat» [Kivikoski, 1954b, p. 131–139], регулярные обзоры советской археологической литературы [Tallgren, 1927; 1928a; 1931; 1936], включая археологию Сибири, рецензии на работы М.И. Ростовцева, Г. Мергарта, С.А. Теплоухова [Tallgren, 1928b], Г.И. Боровки, М.П. Грязнова [Tallgren, 1928c], С.Н. Дурьлина и других авторов, обращавшихся к урало-сибирским материалам, ряд научных статей, напрямую связанных с археологией азиатских пределов СССР [Tallgren, 1933a, 1938].

В первую послереволюционную поездку в Советскую Россию в 1924 г. А.М. Тальгрэн побывал в Ленинграде и Москве, возобновил связи с российскими коллегами, встретился с А.А. Спицыным и В.А. Городцовым. В 1925 г. ему удалось, кроме столиц, познакомиться с археологическими собраниями Киева, Харькова, Саратова, Казани и Костромы. В 1928 г. его длительное путешествие пролегло по маршруту Ленинград – Москва – Ростов Великий – Нижний Новгород – Казань – Сарапул – Пермь – Самара – Саратов – Покровск – Воронеж – Владикавказ – Тбилиси – Пятигорск – Днепропетровск – Херсон – Одесса – Киев – Чернигов – Петрозаводск. Первое же знакомство с материалами музеев юга СССР в корне изменило вектор исследовательских интересов финского ученого: на первый план вышли степные и лесостепные культуры бронзового века Восточной Европы. Итоги исследований первой половины 1920-х гг. Тальгрэн весьма оперативно подвел в книге «Бронзовый век Северного Причерноморья» [Tallgren, 1926]. На этот же период приходится преподавательская деятельность в университетах Тарту (1920–1923) и Хельсинки (с 1923 г.), организация и начало издания журнала «Eurasia Septentrionalis Antiqua».

Со 2-й половины 1920-х гг. финский археолог обратился к теме о бронзовом веке Кавказа. Она стала логическим продолжением предшествующих исследований степной бронзы Восточной Европы. Тальгрэн и в книге 1926 г. уделил большое внимание культурам Северного Кавказа, их взаимосвязи и контактам с культурами Северного Причерноморья. Поездка 1928 г., работа с археологическими собраниями в музеях Пятигорска, Владикавказа и Тбилиси, изучение кавказских и анатолийских материалов в других музеях СССР и европейских стран убедили Тальгрена в необходимости создания большого сводного труда о бронзовом веке Кавказа. Ряд разделов этой будущей монографии он опубликовал в серии статей [Tallgren, 1929a, 1929b, 1930a, 1930b,

1933b, 1934, 1936]. Однако резкое ухудшение здоровья в 1937–1938 гг. [Kivikoski, 1954a, p. 117–119] и невозможность работы в советских музеях не позволили ему завершить данное исследование.

В 1920-е и в 1-й половине 1930-х гг. в полной мере раскрылся научный потенциал А.М. Тальгрена как специалиста по археологии бронзового века. Финский ученый, наряду с В.А. Городцовым, Б.С. Жуковым и С.А. Теплоуховым, стал негласным лидером ряда исследовательских направлений в евразийской археологии эпохи раннего металла. Он не был в прямом смысле учителем молодых советских археологов, но многие из них стремились к общению с Михаилом Марковичем, советовались с ним, делились своими идеями и планами – и в их числе М.П. Грязнов.

Михаил Петрович к 1926 г. окончил три курса ЛГУ по циклу антропологии и палеоэтнологии на естественном отделении физико-математического факультета и стал научным сотрудником Этнографического отдела ГРМ. Позади было участие в раскопках С.А. Теплоухова на Енисее, в Минусинской котловине, самостоятельные раскопки в 1924 г. «Тоянова городка» близ Томска, а в 1925 г. – андроновских могильников в Западном Казахстане, на р. Урале. В том же году он провел обследование берегов Оби от Бийска до Барнаула [Пшеницына, Боковенко, 2002, с. 20, 21]. К этому времени выходят из печати его первые труды [Всеилов и др., 2012, с. 55]. Основные научные интересы молодого ученого – вероятно, не без влияния Теплоухова – были связаны поначалу главным образом с культурами бронзовой эпохи и, как он признается в первом письме финскому археологу, «я и исследования свои старался производить в этом направлении».

Итак, в нашем распоряжении девять писем М.П. Грязнова, адресованных А.М. Тальгрону (№1–3, 5–10), и только одно ответное письмо финского ученого (№4) [РА ИИМК. Ф. 91. Оп. 3. Д. 193. Л. 1–2]. К сожалению, нет информации о других сохранившихся письмах Михаила Марковича среди бумаг российского археолога в Рукописном архиве ИИМК или Омском университете. Следует помнить, что Тальгрэн резко отреагировал на «Дело» академика С.А. Жебелёва [Тункина, 2000] и с конца 1928 г. стал персоной non grata для советских академических верхов. «Дело» С.И. Руденко и развернувшаяся в ленинградских научных учреждениях, в том числе в Этнографическом отделе ГРМ, кампания по осуждению «руденковщины» [Худяков, 1931; В методбюро..., 1932; Бернштам, 1932] стали прологом сфабрикованного дела «Российской национальной партии», или «Дела славистов» [Ашнин, Алпатов, 1994], повлекшего аресты и гибель самых близких коллег Грязнова, и он из чувства самосохранения вряд ли бы в то время решился сохранить в личном архиве письма зарубежных коллег. Поэтому вторая – тальгреновская – сторона диалога реконструируется прежде всего по контексту писем Грязнова, полученных финским ученым.

Три письма (№2, 3, 8) хранятся в Рукописном отделе Национальной библиотеки Финляндии (эпистолярный фонд А.М. Тальгрена, колл. 230–4), шесть (№1, 5–7, 9, 10) обнаружены мною в его рабочем архиве в Музейном ведомстве этой страны (рис. 2) Все письма – автографы на русском языке; письма Грязнова хранятся без конвертов, Тальгрена – в конверте (дата письма и почтового штемпеля 29.12.1927) (рис. 3). Лишь на трех письмах Грязнова есть дата написания: №1 – 17.01.1926, №2 – 27.02.1927, №5 – 9.04.1928. Очередность остальных (№3, 6–10) – при отсутствии почтовых штемпелей отправки и получения – определена по контексту писем. В итоге письмо №3

отнесено к осени 1927 г., №6 – к апрелю-маю 1928 г., №7, 8 – к осени 1928 г., №9 – к зиме-весне 1930 г., №10 – к весне-лету 1930 г.

Основные темы писем группируются в несколько блоков. Первый из них касается сведений о раскопках М.П. Грязнова и его коллег или планах полевых работ. Письмо №1 как раз начинается с информации о раскопках летом 1926 г. в Западном Казахстане на р. Урале серии могил эпохи бронзы, которые «относятся к культуре, названной С.А. Теплоуховым «андроновской» (не знаю, известна ли она Вам)».

В феврале 1927 г. Грязнов делится планами – раскопать летом стоянку «Чудацкая Гора» на Оби в 50 км южнее Барнаула (№2). В следующем письме (№3), написанном, вероятно, в начале осени того же года, следует подробный отчет об исследовании памятника. Отмечается, что раскопки не оправдали его надежд «найти остатки трех эпох бронзовой культуры в стратиграфически разделенных слоях». Утешением явилась находка неолитического погребения ниже культурного слоя. Тем же летом в урочище Шибе в Горном Алтае Грязнов раскопал «курган радловского типа», к сожалению, ограбленный. И все же на остатки двух мумифицированных трупов и ряд предметов он обращает внимание Тальгрена и особое – на три эффектных уздечных набора, которые подробно описывает.

Примечательны сведения о результатах раскопок в 1928 г. вместе с М.В. Воеводским четырех курганов II–III вв. до н.э. близ г. Токмак в Киргизии, а также о рекогносцировочных исследований в Анау (№7). Отмечается, что курганы начисто разграблены. В письме приведены рисунки сохранившихся золотых фигурных листочков, штампованных бляшек, перстней с фигурками зверей, бус из белой эмали и черного камня*.

Ураль-Урал Тоба.

*Многоуважаемый Михаил Владыкович,
работая в течение нескольких последних лет по доктории Сибирь мне удалось ознакомиться в различных изданиях Западной Сибирь ряд раскопок и раскопок, прежде всего, довольно старых. Интересно, главным образом, культурам бронзовой эпохи, и я исследовал свои материалы проведенные в этом направлении. Минувшим летом я раскопал серию могил бронзовой эпохи в западной части Казах-Устана, на левом берегу р. Урала. Упад-ки этих могил относятся к культуре, названной С.А. Теплоуховым «андроновской» (не знаю, известна ли она Вам) и является, как мне кажется, крайним пределом распространения этой культуры на запад. В то же время в этих могилах найдены ряд элементов типичных близлежащих аналогов в культурах бронзовой эпохи Южной России, в культурах «срубной» и «хвалынской». Результаты раскопок на р. Урале я рассылал в ближайшее время опубликовать, сейчас же, одновременно с этим письмом посылаю Вам краткую заметку о них, напечатанную в краевом журнале «Кри-*

Рис. 2. Первая страница письма М.П. Грязнова А.М. Тальгрена от 17.01.1927. Автограф. Чернила

* В предвоенной публикации могильник отнесен к числу усуньских [Воеводский, Грязнов, 1938].

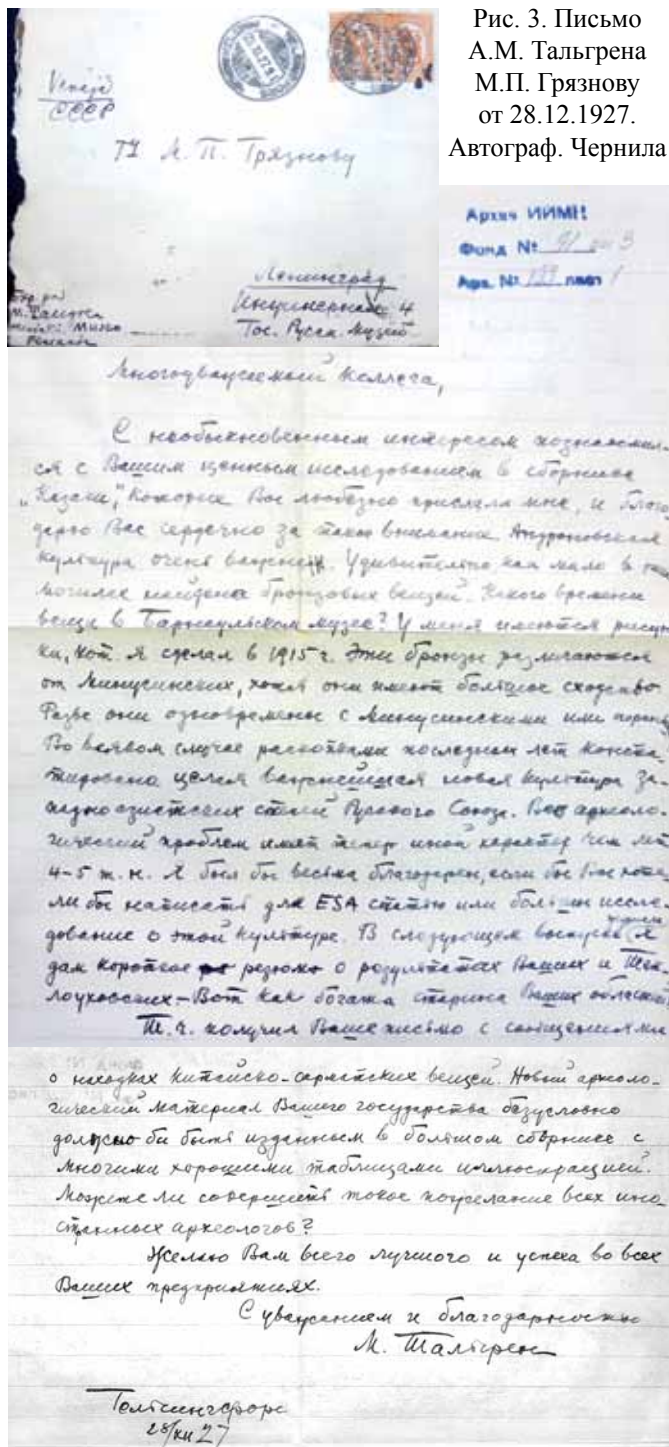

Рис. 3. Письмо А.М. Тальгиной М.П. Грязнову от 28.12.1927. Автограф. Чернила

Запланированные раскопки в Южном Туркменистане Грязнову и Воеводскому провести не удалось – «мы лишь осмотрели Анау и аналогичный ему памятник Ак-тепе». Зачистка в одном из раскопов Пумпелли на Анау привела к открытию не замеченной и почти уничтоженной итальянским археологом постройки, стены которой были облицованы черепками красных лощеных сосудов*.

В следующем письме (№8) Грязнов сообщает о раскопках А.Т. Кузнецовой в 1927 г. в Кузнецком округе на р. Ине (между Новосибирском и Барнаулом) нескольких курганов «с культурой аналогичной той, которая представлена в с. Сростки на Алтае», и описывает состав находок. Кроме того, он просит Тальгиной познакомиться с рукописью статьи Кузнецовой и, если она будет отвечать всем требованиям редактора ESA, то опубликовать ее. Эти хлопоты Михаила Петровича не были напрасными: статья вышла в очередном номере журнала [Kuznesova, 1930].

Еще одна тема писем касается планов публикаций, в частности, ближайших – андроновских могильников на р. Урал [Грязнов, 1927] и каменных изваяний Ми-

* Результаты разведочных работ 1928 г. в Туркменистане остались неопубликованными.

нусинской котловины [Грязнов, Шнайдер, 1929]. С этим же письмом (№1) Тальгрону посланы заметки из журнала «Природа» [Грязнов, 1926а; Грязнов, Шнейдер, 1926].

Обсуждая полученные от финского ученого рисунки бронзовых предметов из Барнаульского музея, Грязнов ответил (№7), что «нарисованные Вами два ножа, а также, по-видимому, и остальные предметы я видел и зарисовал. Часть из них мне может быть удастся нынче к весне [1928 г.] опубликовать».

Судя по последним письмам Грязнова 1930 г., Тальгрэн с нетерпением ждал выхода статьи «Казахстанский очаг бронзовой культуры» [Грязнов, 1930а]. Михаил Петрович обнадеживал коллегу: «Я надеюсь, что через один-два месяца будет напечатана моя статья по вопросу о Семипалатинском очаге бронзовой культуры. Там я даю карту распространения Минусинских и Семипалатинских типов орудий и рисунки около 20 орудий семипалат[инского] типа».

Постоянная тема писем русских и советских археологов к Тальгрэну – просьбы о присылке книг. Из переписки А.А. Спицына с финским ученым известно [Кузьминых, 2011, с. 18, 22], какое впечатление произвели на ГАИМКовскую молодежь книга «La Pontide...» [Tallgren, 1926] и последующие выпуски ESA. Тальгрэн оперативно выполнил просьбу Грязнова, и в феврале 1927 г. Михаил Петрович с благодарностью откликнулся на получение «La Pontide...» (№2), а позднее – III и IV томов журнала, книг «Collection Tovostine» [Tallgren, 1917] и Акселя Гейкеля – об археологических коллекциях в уральских и сибирских музеях [Heikel, 1894]. Грязнов отметил, что нашел в последней книге много интересных для себя материалов (№7).

Диалог в переписке не обошелся без взаимных вопросов и ответов. Грязнова, в частности, интересует мнение Тальгрэна о датировке каменных изваяний Минусинской котловины (№2). Он просит прислать биографические сведения об Аспелине, Аппельгрэн-Кивало, Гейкеле и самом Тальгрэне для «Сибирской советской энциклопедии» (№5). Для него важен отклик финского археолога о статье [Грязнов, 1930а], посвященной культурам бронзового века Казахстана (№10). Грязнов спрашивает: дошли ли до Михаила Марковича карты Кубани (№8), «Материалы по этнографии» со статьями его и Шнейдера о каменных изваяниях [Грязнов, Шнейдер, 1929] и «Опытом классификации» С.А. Теплоухова [1929] (№10).

Единственное письмо Тальгрэна, но прежде всего письма Грязнова – через ответы на вопросы Михаила Марковича – дают представление о том, что же интересовало финского ученого. Михаил Петрович сообщает о выходе из печати первой половины минусинских материалов С.А. Теплоухова [1927] и о содержании этой статьи (№2), о публикации в этом же томе «Материалов по этнографии» статьи С.И. Руденко и А.Н. Глухова [1927] о могильнике Кудыргэ, о планах изданий Алтайской экспедиции Русского музея (№2), об отправке через Академию наук сборника «Казакки» с его [Грязнов, 1927] и М.Н. Комаровой [1927] статьями (№3), о посылке карты Кубани (№7). Грязнов уточняет адреса предметов, зарисованных Михаилом Марковичем в бывшем университетском кабинете антропологии (№7), дает характеристику бронзовых изделий Барнаульского музея, отмечая, что они минусинских, семипалатинских и неопределенных типов (№9), благодарит редактора ESA за предложение опубликовать его статьи в журнале (№4), но сожалеет, что в настоящее время у него нет готовых работ*

* Остается только сожалеть, что Грязнов не отправил Тальгрэну для публикации свою статью о бронзовых кельтах Минусинской котловины [Грязнов, 1941], переданную в мае 1929 г.

(№9). Отклонил он и просьбу Тальгрена предоставить для публикации в ESA большую статью о результатах раскопок кургана Шибе (№4, 6), отмечая, что связан обязательством с Русским музеем: «...мне не разрешается опубликовать его нигде, кроме «Материалов по этнографии». В то же время Грязнов готов предоставить для ESA краткую информацию с 2–3 фото.

Важнейшая тема писем – обсуждение с Тальгреном тех проблем археологических исследований, которые особенно волновали Грязнова в 1920-е гг. Это прежде всего характеристика андроновской культуры Западного Казахстана, ее ареал и особенности (№1, 4). Финский ученый, познакомившись с работами С.А. Теплоухова и М.П. Грязнова, отметил важность выделения андроновской культуры. Труды русских коллег в корне изменили представления Тальгрена о процессах культурогенеза в бронзовом веке в азиатских степях [Tallgren, 1929c]. Раскопанные Грязновым памятники андроновской культуры на р. Урале являются «крайним пределом распространения этой культуры на запад». Михаил Петрович обращает внимание Тальгрена на ряд элементов в исследованных им памятниках, имеющих ближайšie аналогии в культурах бронзовой эпохи Южной России, в культурах «срубной» и «хвалынской».

Знакома финского ученого с их совместной с Е.Д. Шнейдером работой о так называемых «каменных бабах» в минусинских степях [Грязнов, Шнейдер, 1926, 1929], Михаил Петрович отмечает, что «анализ их, произведенный нами, дал любопытные результаты» (№1). Касаясь хронологии каменных изваяний (№2), Грязнов указывает, что на некоторых из них есть орхонские письмена, которые, казалось, и должны были бы определять их эпоху. Но он и Шнейдер относят их к более древнему времени – к бронзовой эпохе. Грязнов интересуется: согласен ли Тальгрен относить их к этому же времени и не придавать им значения надгробных памятников. Михаил Петрович уверен, что «отмеченные нами факты достаточно убедительны».

При характеристике раскопанных с М.В. Воеводским курганов в Киргизии и найденных здесь предметов (№7), Грязнов указывает на сходство их с алтайскими (внешний вид, некоторые особенности ритуала, аналогии изделиям из золота). В целом же в этих курганах «мы встретились с предметами трех миров – Греция, Китай и Сибирь».

Особенно важный обмен мнениями касался особенностей позднего бронзового века лесостепного и степного Алтая и Казахстана. Отвечая на вопрос Тальгрена о распространении минусинских типов орудий на запад, Грязнов указал «на существование особой культурной провинции*, центр которой расположен где-то в Семипалатинской области». Изучение коллекций бронзовых орудий из разных мест Западной Сибири привело его к выводу о том, что «Минусинские типы бронзовых орудий ограничены в своем распространении на запад, и западнее г. Томска они встречаются как исключения». К характерным орудиям этой культурной провинции, которую мы вправе отождествлять в настоящее время с восточной зоной области культур с валиковой керамикой и прежде всего с алексеевско-саргаринской культурой [Агапов, Дегтярева, Кузьминых, 2012], Михаил Петрович относит асимметричные тесла с упором на

в издание Музея Центрально-Промышленной области и отклоненную в январе 1931 г. как «узконаучную» [Шер, 1992]. Опыт классификации Грязнова базировался на использовании статистико-комбинаторного анализа. Выход этой статьи в конце 1920-х гг. мог стать событием в мировой археологии [Шер, 1992, с. 90].

* Здесь и далее в письмах подчеркивания в тексте принадлежат А.М. Тальгренов.

одной из сторон, однолезвийные ножи-кинжалы с обособленной рукоятью, иногда с хвостатым лезвием, двулезвийные кинжалы с выделенной рукоятью, кирки-кайла, различные варианты однолезвийных ножей с выделенной и без выделенной рукоятями, сопровождая описание схематичными рисунками. Он отмечает, что на этой территории ему известно около 80 подобных орудий, и только два из них (плоские ножи) известны на востоке – в Мариинском округе и в Забайкалье.

Помимо этого в переписке затрагивалась масса, казалось бы, второстепенных тем и вопросов, хотя в той реальности информация по ним, вероятно, была крайне важна и ожидаема обоими исследователями. Многие письма заканчиваются пожеланиями и приветом от М.Н. Комаровой – супруги Михаила Петровича.

М.П. Грязнов выступает в переписке с А.М. Тальгреном с позиции младшего коллеги, с неперменным уважением и благодарностью старшему собрату по профессии за диалог и услуги. Письма российского ученого донесли до нас пульс его активной научной деятельности, поисков, устремлений и открытий в годы работы в Этнографическом отделе Русского музея. Они являются важным источником к характеристике, прежде всего, самого Грязнова как специалиста в области изучения бронзового и раннего железного веков в Азиатской части СССР. В то же время – в дополнение к печатным трудам – письма эти свидетельствуют о неподдельном интересе мэтра европейской археологии к результатам исследований молодого российского ученого [Tallgren, 1927, s. 157; 1928a, s. 186–188; 1929c; 1931, s. 186, 189, 197; 1933a, p. 177; 1936, p. 149; 1938, p. 53, 57–59]. В рецензии на первую полноценную научную публикацию Грязнова [1927], посвященную погребениям эпохи бронзы на р. Урале, редактор журнала «Eurasia Septentrionalis Antiqua» прозорливо заметил: «...осмелюсь обещать, что он [Грязнов. – *авт.*], посвятив себя эпохе бронзы туркестанских степей, имеет все данные, чтобы эту, важнейшую во многих отношениях для всего европейского севера, область полностью изучить и ее «Монтелиусом» стать...» [Tallgren, 1928c, s. 187].

Михаил Петрович достаточно быстро, особенно после первых работ на Алтае и в Казахстане, опираясь на культурно-хронологическую периодизацию С.А. Теплоухова культур бронзового и раннего железного веков Минусинской котловины, шагнул за пределы концепций своих старших коллег А.А. Спицына, В.А. Городцова и А.М. Тальгрена о культурах эпох бронзы и раннего железа азиатских степей* и проторил собственные пути в разработке данной проблематики. Финский ученый с интересом следил за новейшими работами Грязнова о бронзовом веке Казахстана и Алтая. Они в корне изменили его представление об азиатских культурах эпохи бронзы степного и лесостепного пояса. Пример тому – его статья о бронзовом веке Туркестана для энциклопедического словаря Макса Эберта [Tallgren, 1929c], которая, вне всякого сомнения, базировалась и на новейших разработках российского археолога.

Именно поиски и достижения М.П. Грязнова в 1920-е гг. явились основной темой диалога обоих ученых. Остается только сожалеть, что он был прерван на полуслове. Общение с Михаилом Марковичем, безусловно, придало импульс для творческого роста Грязнова и способствовало его становлению как исследователя. А о месте работ Тальгрена в его научной лаборатории свидетельствует хотя бы тот факт, что финский археолог – после самого Грязнова, С.В. Киселева, В.В. Радлова и С.А. Теплоухова – входил в пятерку наиболее цитируемых им авторов [Эрлих, 1995, с. 106].

* См. их обзор: [Кузьминых, Сафонов, 2009, с. 150–155].

А.М. Тальгрэн являл собой пример товарищеского отношения к коллегам и готовности прийти на помощь и советом, и делом. М.П. Грязнов, с его безотказностью в поддержке молодежи и множеством учеников, во многом повторил научный путь Михаила Марковича. И такой судьбе в науке можно только преклоняться.

ПИСЬМА М.П. ГРЯЗНОВА И А.М. ТАЛЬГРЕНА

№1

Многоуважаемый Михаил Маркович,

работал в течение нескольких последних лет по доистории Сибири. Мне удалось произвести в различных пунктах Западной Сибири ряд разведок и раскопок, правда, довольно скромных*. Интересуясь, главным образом, культурами бронзовой эпохи, я и исследования свои старался производить в этом направлении.

Минувшим летом я раскопал серию могил бронзовой эпохи в западной части Казахстана, на левом берегу р. Урал. Находки этих могил относятся к культуре, названной С.А. Теплоуховым «андроновской» (не знаю, известна ли она Вам), и являются, как мне кажется, крайним пределом распространения этой культуры на запад. В то же время в этих могилах найден ряд элементов, имеющих ближайšie аналогии в культурах бронзовой эпохи Южной России, в культурах «срубной» и «хвалынской»**. Результаты раскопок на р. Урал я рассчитываю в ближайшее время опубликовать [Грязнов, 1927]. Сейчас же, одновременно с этим письмом, посылаю Вам краткую заметку о них, напечатанную в хронике журнала «Природа» [Грязнов, 1926а]. Само собой разумеется, что на все интересующие Вас вопросы о моих находках я буду считать приятным долгом тотчас же дать все нужные Вам сведения.

Работая в экспедиции С.А. Теплоухова в Минусинском крае, я совместно с Е.Д. Шнейдером имел возможность детально обследовать свыше 50 памятников, так называемых «каменных баб». Анализ их, произведенный нами, дал любопытные результаты***. По этому поводу нами приготовлена к печати большая статья с рисунками 70 каменных баб [Грязнов, Шнейдер, 1929]. Сейчас же мы можем предложить Вашему вниманию лишь заметку в хронике упомянутой уже «Природы» [Грязнов, Шнейдер, 1926]. Я буду очень рад, если затронутые здесь вопросы Вас заинтересуют и, в свою очередь, готов сообщить все необходимые Вам сведения.

Осмелюсь обратиться к Вам с небольшой просьбой. Мне очень хотелось бы иметь недавно опубликованную Вами книгу «La Pontide préscythique...» [Tallgren, 1926], и я был бы очень обязан Вам, если бы Вы сообщили, каким путем ее можно приобрести.

Буду ждать Вашего письма и буду очень рад, если смогу быть Вам полезным.

Ленинград, 17 января 1926 г.

М. Грязнов [подпись]

* О полевых исследованиях М.П. Грязнова в 1920–1925 гг. см.: [Жук, 1995, с. 35–38; Пшеницына, Боковенко, 2002, с. 19–21; Длужневская, 2012, с. 5].

** См. оценку полевых работ М.П. Грязнова на р. Урале в 1926 г. и публикации материалов экспедиции в современной историографии: [Жук, 2012].

*** В одной из автобиографий М.П. Грязнова отмечено, что первые результаты этого исследования прозвучали в докладе «Каменные бабы Минусинского края» на студенческом кружке в Томском университете в декабре 1921 г. [Тишкин, 2012, с. 25–30].

Адрес мой: Ленинград, Инженерная ул., д. 4 Государственный Русский музей
М.П. Грязнову

№2

Ленинград, 27/II-1927

Многоуважаемый Михаил Маркович,

большое спасибо за присланную книгу. Очень рад, что среди присланного мной есть интересный для Вас материал. Постараюсь и впредь по мере возможности быть полезным в этом отношении.

Первая половина теплоуховских материалов должна появиться в свет в самом ближайшем будущем (не позднее чем через месяц). В этой части он говорит о трех культурах – афанасьевской, андроновской и карасукской. Работа хорошо иллюстрирована и дает полное представление о ранних культурах бронзовой эпохи Мин[усинского] края. Напечатана (она уже напечатана, но еще не вышла в свет) она во 2-м выпуске III тома «Материалы по этнографии» [Теплоухов, 1927]. Там же напечатана статья С.И. Руденко и А.М. Глухова «Могильник Кудыргэ на Алтае» [1927]. В этой статье описываются раскопки богатого могильника на р. Чулышман, где найдены гравированный валун и замечательная обкладка луки седла, покрытая рисунками охотничьих сцен, совершенно подобными рисункам серебряного сосуда, изображенного Радловым в «Сибирских древностях» (т. I, вып. 3, прилож., стр. 27 и 29)*. Описание других раскопок Алтайской экспедиции в ближайшее время не предвидится, а потому, быть может, Вам небезынтересна будет прилагаемая при сем газетная заметка о Бийских курганах. Здесь, хотя и очень кратко, описывается характер погребения и могильный инвентарь.

Мне бы очень хотелось знать Ваше мнение о датировке каменных изваяний Мин[усинского] края. То, что они большей частью находятся на курганах железного века и что на некоторых из них имеются орхонские письмена, как будто должно было бы определить их эпоху. Между тем мы в своей работе их относим к более древнему времени – к бронзовой эпохе. Считаете ли Вы возможным относить их к этому времени и не придавать им значения надгробных памятников. Я думаю, что отмеченные нами факты достаточно убедительны.

Предстоящим летом я рассчитываю добыть еще некоторые материалы по бронзовой эпохе Сибири. По всей вероятности, мне удастся раскопать стоянку в урочище «Чудацкая Гора» на р. Обь в 50 км от г. Барнаула. Там в 1924 г. я собрал большое количество керамики, синхронной афанасьевской культуре и более поздней эпохе бронзовой культуры**. Думаю, что материал будет интересный.

Еще раз большое спасибо за книгу и оказанное внимание.

Преданный Вам М. Грязнов [подпись]

№3

Многоуважаемый Михаил Маркович,

не имея отдельных оттисков своей статьи о погребениях бронзовой эпохи в Западном Казакстане, я просил издательство Академии наук выслать Вам полный экземпляр II тома «Материалов Особого комитета по исследованию союзных и ав-

* Монографическое издание материалов могильника Кудыргэ см.: [Гаврилова, 1965].

** См. краткую информацию об этих работах: [Грязнов, 1926б].

тономных республик». Там напечатана эта статья, а также статья М.Н. Комаровой [1927] о черепах из тех же могил. Я думаю, что в ближайшие же дни Вы эту книгу получите.

Минувшим летом я проводил раскопки в двух местах: «Чудацкая Гора» в 60 верстах от г. Барнаула и уроч[ище] Шибе на р. Урсул (Алтай). На первое я возлагал большие надежды. Я рассчитывал найти остатки трех эпох бронзовой культуры в стратиграфически разделенных слоях. Однако же культ[урный] слой мощностью 70–100 см оказался перемешанным. Эта неудача искупилась лишь находкой неолитического погребения ниже культ[урного] слоя*. В Шибе я раскопал курган радловского типа**. Курган этот был в 1½–2 раза больше Катандинского как по размерам насыпи, так и могильной ямы. Вечная мерзлота начиналась с глубины 50–60 см от уровня горизонта и шла на всем протяжении могильной ямы (6,5 метров глубиной). К сожалению, погребение оказалось разграбленным. Однако на нашу долю досталось некоторое количество очень интересных предметов: большая колода, остатки двух мумифицированных трупов, набор роговых пластинок с растительным раскрашенным орнаментом, глиняный кувшин, куски китайского лака, много позолоченных пуговиц и бляшек и фигурных листочков золота и, наконец, 3 уздечных набора. Последние являются наиболее эффектными из всех находок кургана. Они состоят из различных скульптурно выполненных деревянных звериных головок, покрытых плющенным золотом, и из различных пуговиц и бляшек, также деревянных и позолоченных***.

№4

Многоуважаемый коллега,

с необыкновенным интересом познакомился с Вашим ценным исследованием в сборнике «Казачи» [Грязнов, 1927], который Вы любезно прислали мне, и благодарю Вас сердечно за такое внимание. Андроновская культура очень важна. Удивительно, как мало в этих могилах найдено бронзовых вещей. Какого времени вещи в Барнаульском музее? У меня имеются рисунки, кот[орые] я сделал в 1915 г.**** Эти бронзы различаются от минусинских, хотя они имеют большое сходство. Разве они одновременны с минусинскими или пораньше? Во всяком случае, раскопками последних лет констатирована целая важнейшая новая культура западноазиатских степей Русского Союза****. Все археологические проблемы имеют теперь иной характер, чем лет 4–5 т[ому] н[азад]. Я был бы весьма благодарен, если бы Вы хотели [могли] бы написать для ESA статью или большое исследование об этой культуре. В следующем выпуске журнала я дам короткое резюме о результатах Ваших и теплоуховских [Tallgren, 1928b; 1928c]. Вот как богата старина Ваших областей!

[В] т[ом] ч[исле] получил Ваше письмо с сообщениями о находках китайско-сарматских вещей*****. Новый археологический материал Вашего государства, безусловно,

* См. о разведочных работах 1925–1927 гг. в верхнем течении Оби: [Грязнов, 1926б, 1930б].

** Через год появилась предварительная публикация: [Грязнов, 1928].

*** Далее текст письма прерывается. Возможно, страничка письма с рисунками вещей, описанных М.П. Грязновым, помещена А.М. Тальгреном в какой-либо из разделов своего рабочего архива [Авт.].

**** А.М. Тальгреном зарисовал и описал предметы в музее Барнаула в 1915 г., возвращаясь из экспедиции в Минусинскую котловину; см. подробнее: [Кузьминых, Тишкина, 2009].

***** Речь идет об андроновской археологической культуре бронзового века.

***** Речь идет, вероятно, о кургане Шибе.

должен быть изданным в большом сборнике с многими хорошими таблицами иллюстраций. Можете ли совершить [выполнить] такое пожелание всех иностранных археологов?

Желаю Вам всего лучшего и успеха во всех Ваших предприятиях.

С уважением и благодарностью М. Тальгрэн.

Гельсингфорс, 28/XII-[19]27

№5

Многоуважаемый Михаил Маркович, мне поручили написать для «Сибирской энциклопедии», к печатанию которой приступают в ближайшее время, характеристику научных [данных] и минимально краткие сведения по их биографии нескольких финских археологов, а именно: Апельгрэн-Кивало, Аспелин, Ах[el] Heikel и Вас. Требуется сообщить ряд сведений об этих лицах таких, каких я не знаю и не знаю, где их можно почерпнуть. Я не смог найти указаний о следующих необходимых сведениях: 1) имя и отчество; 2) год и место рождения (для умерших – год смерти); 3) специальность и образование. Только об Аспелине я знаю все эти сведения (кроме имени и отчества) по Вашей заметке в «La Pontide préscythique». Я был бы чрезвычайно Вам признателен, если бы Вы смогли мне указать, где можно почерпнуть эти сведения или если бы Вы смогли их мне сообщить, хотя бы то, что знаете. Будет очень обидно, если в «Сибирск[ой] энциклопедии» будут отсутствовать сведения о финских ученых, так много сделавших в деле изучения доисторического прошлого Сибири*. Я надеюсь, что для Вас не составит особых затруднений исполнить эту небольшую просьбу. Этим Вы весьма меня обяжете. Я заранее сердечно Вас благодарю в надежде на Вашу помощь.

Присылаю Вам фотографию с некоторых вещей из раскопок кургана [Шибе. – Авт.] на Алтае, о котором я Вам писал. Как только будут сделаны еще фотографии, я с удовольствием их Вам вышлю. Публиковать этот материал буду не ранее весны 1929 года.

Искренне уважающий Вас. Готовый к Вашим услугам М. Грязнов [подпись]

Ленинград, 9/IV-1928

№6

Глубокоуважаемый Михаил Маркович, громаднейшее спасибо за присланные Вами сведения о финских ученых. Вы этим оказали большую услугу делу популяризации археологических исследований Сибири. Большое спасибо за ESA-III. Я очень рад, что моя работа заинтересовала Вас и весьма польщен тем, что Вы отметили ее на страницах Вашего журнала [Tallgren, 1928c]. Только я боюсь – не переоцениваете ли Вы моих сил и способностей. Я, конечно, буду стараться оправдать Ваши надежды, но сумею ли это сделать, – не знаю.

Раскопки на Алтае я производил по поручению Русского музея. Так как добытый раскопками материал представляет собой очень ценную как по историко-культурному, так и по художественному значению находку, то мне не разрешается опубликовать его нигде, кроме «Материалов по этнографии». Если для Вас представило бы интерес напечатать небольшое сообщение об этой находке в отделе хроники Вашего журнала, то это вполне возможно. Я бы в ближайшие же дни написал заметку на 1–1½ печат-

* В итоге в 1-м томе «Сибирской советской энциклопедии» были опубликованы биографии Й.Р. Аспелина и А. Гейкеля [Грязнов, 1929б, 1929в]. В статье об археологических исследованиях в Сибири М.П. Грязнов весьма положительно оценил деятельность и труды финских ученых [Грязнов, 1929а].

ных страницы текста и приложил бы 2–3 рисунка. Если Вы считаете это возможным, то я с удовольствием это сделаю.

Еще раз большое спасибо за Вашу любезную услугу и за журнал.
Преданный Вам М. Грязнов [подпись]

№7

Многоуважаемый Михаил Маркович,

большое спасибо за присланные Вами книги (Coll[ection] Tovost[ine] [Tallgren, 1917] и Heikel [1894]). У Heikel'я я нашел много интересного для меня материала. Простите, что я так долго не мог Вам ответить и исполнить Вашу просьбу. Теперь я все просимое Вами сделал*. К сожалению, о местонахождении зарисованных Вами в каб[инете] антропологии предметов нет никаких указаний. Только о №6613 известно – этот топор найден в д. Кара-Якунова [Караякупово. – Авт.], Уфимской губ. и уезда**. Простите, что я Вас зря заставил сходить в кабинет антропологии. Карту бассейна р. Кубани на двух листах я достал***. Я ее пошлю Вам отдельно через два дня. Если эта карта не захватывает весь нужный Вам район, то напишите. 10-верстка есть всех районов, так что ее нетрудно достать.

Спасибо за рисунки и сообщение о бронзовых предметах Барнаульского музея. Нарисованные Вами два ножа, а также, по-видимому, и остальные предметы я видел и зарисовал. Часть из них мне, может быть, удастся нынче к весне опубликовать.

Рис. 4. Рисунки М.П. Грязнова в письме №7.
Автограф. Чернила

лотые бляшки; львиная морда, штампованное золото; бусы из белой эмали (?); бусы черные, каменные; золотые перстни с фигурами зверей] (рис. 4).

* В 1928 г. А.М. Тальгрэн совершил длительную поездку по музеям юга СССР, но началась она с работы в музеях Ленинграда. М.П. Грязнов оказал финскому ученому посильную помощь.

** Речь идет о кельте ананьинского типа, который, наряду с другими археологическими коллекциями антропологического кабинета Ленинградского университета, поступил в собрание Государственного Эрмитажа; см.: [Черных, 1970, рис. 48.-3].

*** А.М. Тальгрэн в поездку 1928 г. целенаправленно обрабатывал материалы памятников бронзового века Северного Кавказа и в этой связи интересовался доступными картами региона как в Ленинграде, так и в ходе дальнейшей поездки. В его рабочем архиве отложились даже карты некоторых туристических маршрутов на Северном Кавказе.

**** Речь идет о раскопках курганов того же времени в долине р. Талас; см.: [Heikel, 1918].

Кроме нарисованных: 2 греческих барельефа (штампован[ное] золото), изображающих голову Мидаса (?); около 20–25 сосудов из красноватой глины (один с росписью) и куски китайского лака. Внешний вид курганов и некоторые особенности ритуала сходны с таковыми же Алтая. Так же и фигурные листочки золота. Таким образом, здесь мы встретились с предметами трех культурных миров – Греция, Китай и Сибирь.

В южном Туркестане нам работать не пришлось. Мы лишь осмотрели Анау и аналогичный ему памятник Ак-тепе*. На Анау сделали небольшую зачистку в одном из раскопок Пумпелли в сев[ерном] кургане. Там открыли не замеченную и почти уничтоженную Пумпелли постройку. Эта постройка интересна тем, что внутренние ее стены облицованы были черепками красных лощеных сосудов (II культура Пумпелли). Вот кратко результаты двухмесячной поездки в Туркестан.

Мария Николаевна [Комарова] просит передать Вам искренний привет и самые лучшие пожелания. Еще раз простите, что я так задержал исполнение Ваших просьб.

Ваш М. Грязнов [подпись]

№8

Многоуважаемый Михаил Маркович,

получили ли Вы карты, которые я, как обещал, послал через два дня после последнего своего письма. Если Вы их не получили, то напишите, я тотчас же приобрету новые и вышлю Вам. Послал я карты простым письмом без указания адреса отправителя. Возможно, что они не могли дойти до Вас. Пожалуйста, напишите, получили ли Вы их.

Я хотел обратиться к Вам со следующим. В 1927 году в Кузнецком окр[уге] на р. Ине (прав[ый] приток р. Оби между Новониколаевском и Барнаулом) производила раскопки А.Т. Кузнецова. Она раскопала несколько курганов с культурой, аналогичной той, которая представлена в с. Сростки на Алтае (если Вы помните в Русском музее) и Архирейской заимке около г. Томска, т.е. с культурой зап[адно]сибирских курганов конца первого тысячелетия по Р.Х. Состав находок приблизительно такой: желез[ные] кельты, стрелы и ряд других предметов; костяные пряжки; медные накладки на ремни, в том числе сердцевидной формы с человеческой головой посередине; медные пряжки и некоторые другие предметы. Об этих находках она написала небольшую статью (приблизительно 20–30 тысяч знаков), где достаточно полно описывает как характер найденных предметов, так и условия их нахождения. Работа проделана добросовестно. Не могли ли бы Вы напечатать эту статью где-нибудь в Ваших изданиях, например, в ESA? Если да, то статью эту для ознакомления она Вам тотчас же вышлет**.

Желаю Вам всего лучшего.

Преданный Вам М. Грязнов [подпись]

№9

Многоуважаемый Михаил Маркович,

Бесконечно Вам благодарен за то внимание, с каким Вы отнеслись к моей статье***, и за Ваше любезное письмо. С удовольствием отвечу, как умею, на Ваш вопрос о бронзе Барнаульского музея. Рассматривая коллекцию бронзовых орудий из разных

* Краткую информацию об этих работах см.: [Длужневская, 2012, с. 6].

** А.М. Тальгрэн в итоге опубликовал статью А.Т. Кузнецовой; см.: [Kuznesova, 1930].

*** Речь идет, вероятно, о статье, в которой фигурировали бронзы из Барнаульского музея; см.: [Грязнов, 1930б].

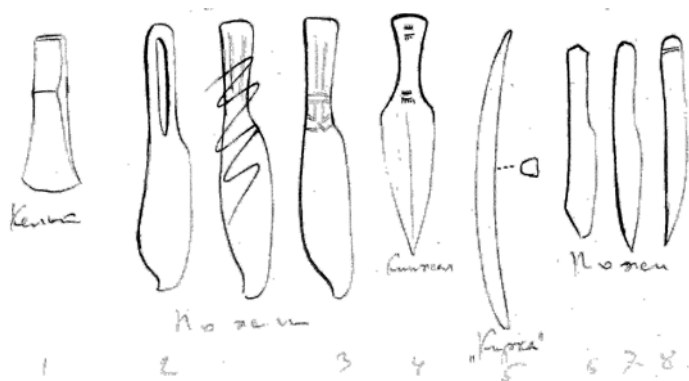

Рис. 5. Рисунки М.П. Грязнова в письме №9.
Автограф. Чернила

щих на существование особой культурной провинции, центр которой расположен где-то в Семипалатинской области. К числу таких орудий относятся следующие (рис. 5).

На указанной территории мне известно около 80 орудий, подобных изображенным, и только два из них (ножи плоские типа №6–8) известны на востоке – один в Мариинском округе, другой в Забайкалье. Что же касается орудий Барнаульского музея, то некоторые из них принадлежат только что описанным типам, некоторые – минусинским и, наконец, часть их имеет неопределенный характер. Хронологически бронзовые орудия семипалатинского типа совпадают с орудиями Минусинской культуры. №1 следует относить, как мне кажется, к андроновской культуре; №2–4 – к средней бронзе (карасукская культура) и, наконец, №6–8 – к верхней бронзе (курганная культура). Я надеюсь, что через один-два месяца будет напечатана моя статья по вопросу о семипалатинском очаге бронзовой культуры [Грязнов, 1930а]. Там я даю карту распространения минусинских и семипалатинских типов орудий и рисунки около 20 орудий семипалат[инского] типа.

Очень благодарю Вас за лестное для меня предложение Ваше – поместить мои работы в Вашем журнале ESA. Сейчас у меня нет готового для этого материала, но при первой же возможности с удовольствием воспользуюсь Вашим любезным предложением.

Еще раз благодарю Вас за Ваше внимание и интерес, с каким Вы отнеслись к моим работам.

Преданный Вам М. Грязнов [подпись]

№10

Многоуважаемый Михаил Маркович,

благодарю Вас за присланный Вами последний номер журнала ESA*. В нем я много нашел для себя интересного. Одновременно с настоящим письмом я позволил себе послать Вам отпечаток последней моей статьи, касающейся установления очага бронзовой культуры на территории среднеазиатских степей [Грязнов, 1930а]. Так как эта статья была сдана в печать еще в начале 1927 г., то она, для меня по крайней мере, уже в некоторой степени устарела. Теперь я располагаю большим материалом, который

* Возможно, это тома IV или V, вышедшие в 1929 и 1930 гг.

позволяет сделать ряд дополнений и уточнений. Необходимо в этой статье отметить одну ошибку, которую я не мог исправить во время печатания. Это «шило четырехгранное с уплощенным концом». Распространение его в Азии значительно шире, чем это у меня указано. В определении времени его бытования я сейчас не уверен.

Мне бы очень хотелось знать Ваше мнение по поводу выделенного мною казахстанского очага бронзовой культуры.

Присланный Вами журнал для А.Т. Кузнецовой и оттиски ее статьи я не мог ей передать, так как она уехала на Алтай, откуда вернется лишь поздно осенью. Не знаю, по чьей вине (Вашей или ее), но в печатании ее статьи вскрылась одна ошибка, а именно: приложение об антропологическом типе населения написано самой же Кузнецовой, а не Громовым, как это указано под заголовком [Gromov, 1930]. Громову принадлежат лишь те последние строчки об определении костей животных, которые напечатаны в конце приложения мелким шрифтом.

С искренним уважением к Вам М. Грязнов [подпись]

[P.S.] Получили ли «Материалы по этнографии», т. IV, вып. 2, где напечатана моя статья о каменных бабах [Грязнов, Шнейдер, 1929] и статья С.А. Теплоухова [1929]?

Библиографический список

Агапов С.А., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Металлопроизводство восточной зоны общности культур валиковой керамики // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. №3 (18). С. 44–59.

Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов». 30-е годы. М. : Наследие, 1994. 286 с.

Бернштам А.Н. Идеализм в этнографии: Руденко и руденковщина // Сообщения ГАИМК. 1932. №1–2. С. 22–27.

В методбюро Этнографического отдела Русского музея (критическая проработка руденковщины) // Советская этнография. 1932. №1. С. 117–118.

Воеводский М.В. и Грязнов М.П. У-суньские могильники на территории Киргизской ССР: К истории у-суней // Вестник древней истории. 1938. №3. С. 162–179.

Всевиов Л.М., Бобровская Е.В., Длужневская Г.В. (сост.). Список опубликованных работ Михаила Петровича Грязнова // Михаил Петрович Грязнов: исследователь древних культур Сибири и Центральной Азии. Архивные материалы и список научных работ. СПб. : ЭлексСис, 2012. С. 63–65.

Гаврилова А.А. Могильник Кудергэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л. : Наука, 1965. 145 с.

Грязнов М.П. Раскопки на р. Урале // Природа. 1926а. №9–10. С. 96.

Грязнов М.П. Доисторическое прошлое Алтая: (Работа Алтайской экспедиции Гос. Русского музея в 1924/25 г.) // Природа. 1926б. №9–10. С. 97–98.

Грязнов М.П. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки: Антропологические очерки. Л. : АН СССР, 1927. Вып. 1. С. 179–221.

Грязнов М.П. Раскопка княжеской могилы на Алтае // Человек. 1928. №2–4. С. 217–219.

Грязнов М.П. Археологические исследования в Сибири // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск : Сиб. краев. изд-во, 1929а. Т. 1. Стлб. 140–142.

Грязнов М.П. Аспелин И. Р. // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск : Сиб. краев. изд-во, 1929б. Т. 1. Стлб. 163.

Грязнов М.П. Гейкель А. О. К. // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск : Сиб. краев. изд-во, 1929в. Т. 1. Стлб. 631.

Грязнов М.П. Казахстанский очаг бронзовой культуры // Казаки: Антропологические очерки. Л. : АН СССР, 1930а. Вып. 3. С. 149–162.

Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Сибироведение. 1930б. №3–4. С. 18–26.

Грязнов М.П. Древняя бронза минусинских степей. I. Бронзовые кельты // Труды Отдела истории первобытной культуры. Л. : Гос. Эрмитаж, 1941. Т. 1. С. 237–271.

Грязнов М.П. Археологическая трасология: Программа спецкурса по археологии. Свердловск : УрГУ, 1982. 7 с.

Грязнов М.П. и Шнейдер Е.Р. Каменные изваяния Минусинских степей // Природа. 1926. №11–12. С. 100–105.

Грязнов М.П. и Шнейдер Е.Р. Древние изваяния Минусинских степей // Материалы по этнографии. Этнографический отдел Гос. Русского музея. Л., 1929. Т. 4, вып. 2. С. 63–93.

Длужневская Г.В. (сост.). Материалы полевых исследований Михаила Петровича Грязнова в Рукописном архиве Института истории материальной культуры РАН // Михаил Петрович Грязнов: исследователь древних культур Сибири и Центральной Азии. Архивные материалы и список научных работ. СПб. : ЭлектронСис, 2012. С. 5–10.

Жук А.В. Археологи Русского Музея в Сибири: 1920-е годы // III Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск : ОмГУ, 1995. Ч. I. С. 35–38.

Жук А.В. Андроновская культура на берегах Урала под лопатой М.П. Грязнова: июнь 1926 г. // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб. : ИИМК РАН, Периферия, 2012. Кн. 1. С. 32–37.

Комарова М.Н. Черепа бронзовой эпохи из могил по левым притокам р. Урал // Казаки: Антропологические очерки. Л. : АН СССР, 1927. Вып. 1. С. 222–237.

Кузьминых С.В. А.А. Спицын и А.М. Тальгрэн: из истории отечественной археологии начала XX века // Тверской археологический сборник. Тверь : Триада, 2011. Вып. 8, том II. С. 5–27.

Кузьминых С.В., Сафонов И.Е. Проблемы эпохи раннего металла в научном наследии А.А. Спицына // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2009. С. 145–162.

Кузьминых С.В., Тишкина Т.В. «Вам надо повторить поездку на Алтай» (письмо Н.С. Гуляева А.М. Тальгрэну) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул : Азбука, 2009. Вып. 5. С. 178–190.

Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб. : Нестор-История, 2010. 316 с.

Пшеницына М.Н., Боковенко Н.А. Основные этапы жизни и творчества Михаила Петровича Грязнова (1902–1984) // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб. : ИИМК, 2002. Кн. 1. С. 19–23.

Руденко С.И. и Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. Этнографический отдел Гос. Русского музея. Л., 1927. Т. 3, вып. 2. С. 37–52.

Салминен Т. И.Р. Аспелин – А.М. Тальгрэн и проблема Урало-Алтайского бронзового века // Российская археология. 2011. №4. С. 130–139.

Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. Этнографический отдел Гос. Русского музея. Л., 1927. Т. 3, вып. 2. С. 57–112.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. (В кратком изложении) // Материалы по этнографии. Этнографический отдел Гос. Русского музея. Л., 1929. Т. 4, вып. 2. С. 41–62.

Тишкин А.А. Автобиографии М.П. Грязнова как отражение жизни и деятельности выдающегося исследователя // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб. : ИИМК РАН, Периферия, 2012. Кн. 1. С. 25–30.

Тункина И.В. «Дело» академика Жебелёва // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России: Альманах. СПб. : Алетей, 2000. Вып. II. С. 116–161 (Bibliotheca classica Petropolitana).

Худяков М.Г. Критическая проработка руденковщины // Советская этнография. 1931. №1–2. С. 167–169.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М. : Наука, 1970. 180 с. (Материалы и исследования по археологии СССР; №172).

Шер Я.А. К вопросу о приоритетах // Вопросы истории археологических исследований Сибири. Омск : ОмГУ, 1992. С. 85–92.

Эрлих В.А. Творческие интересы М.П. Грязнова: некоторые статистические данные // Третьи исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск : ОмГУ, 1995. Ч. I. С. 102–106.

Gromov V.I. Das osteologische Material aus den Gräbern an der mittleren Inja // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1930. T. V. S. 94–99.

- Heikel A. Antiquités de la Sibérie Occidentale. Helsingfors, 1894. X + 111 p. + 30 pl. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia – Mémoires de la Société Finno-Ougrienne; T. VI)
- Heikel H.J. Altertümer aus dem Tale des Talas in Turkestan. Helsingfors, 1918. [9] + 47 + 16 p. + 31 pl. (Suomalais-ugrilaisen Seuran, Kansatieteellisiä julkaisuja – Société Finno-Ougrienne, Travaux ethnographiques; T. VII).
- Kivikoski Ella. A.M. Tallgren // Eurasia Septentrionalis Antiqua, Supplementary Volume. 1954a. Pp. 77–121.
- Kivikoski Ella. The Bibliography of A. M. Tallgren // Eurasia Septentrionalis Antiqua, Supplementary Volume. 1954b. Pp. 122–145.
- Kuznecova A. Altertümer aus dem Tal der mittleren Inja // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1930. T. V. S. 74–94.
- Tallgren A.M. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. I. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nordwestrussland. Die ältere Metallzeit in Ostrussland. Helsingfors, 1911. IX + 229 s. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja; T. XXV:1).
- Tallgren A.M. Collection Zaouissailov au Musée historique de Finlande a Helsingfors. I. Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze. Helsingfors, 1916. 47 p. + XVI pl.
- Tallgren A.M. Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minoussinsk conservées chez le Dr Karl Hedman a Vasa. Chapitres d'archéologie sibérienne. Helsingfors, 1917. 93 p. + XII pl.
- Tallgren A.M. Collection Zaouissailov au Musée National de Finlande a Helsingfors. II. Monographie de la section de l'âge du fer et l'époque dite de Bolgary. Helsingfors, 1918. 59 p. + XII pl.
- Tallgren A.M. L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale. Helsinki, 1919. 203 p. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja; T. XXXI:1).
- Tallgren A.M. La Pontide préscythique après l'introduction des métaux. Helsinki, 1926. 248 p. (Eurasia Septentrionalis Antiqua. T. II).
- Tallgren A.M. Besprechende archäologische Bibliographie von Osteuropa // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1927. T. I. S. 139–188.
- Tallgren A.M. Neue archäologische Arbeiten im Sovjetreiche // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1928a. T. III. S. 196–200.
- Tallgren A.M. Рец.: S. Terplouchov. Древние погребения в Минусинском крае // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1928b. T. III. S. 186–187.
- Tallgren A.M. Рец.: M.P. Grjaznov. Погребения бронзовой эпохи в западном Казакстане // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1928c. T. III. S. 187–188.
- Tallgren A.M. Etudes sur le Caucase du nord // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1929a. T. IV. Pp. 22–40.
- Tallgren A.M. Zur osteuropäischen Archäologie // Finnisch-Ugrische Forschungen. Helsinki, 1929b. T. XX. S. 1–46.
- Tallgren A.M. Turkestan: Bronzezeit // Reallexikon der Vorgeschichte. Hrsg. von Max Ebert. Berlin, 1929c. T. XIII. S. 485–486, Taf. 92.
- Tallgren A.M. Caucasian Monuments. The Kazbek Treasure // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1930a. T. V. Pp. 109–182.
- Tallgren A.M. Kaukasische anthropomorphe Figure und der vorderasiatische Kulturkreis // Ipek. Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst. Berlin, 1930b. S. 48–55.
- Tallgren A.M. Zur archäologischen Bibliographie betr. das Gebiet der jetzigen Sowjetunion für die Zeitperiode 1927–1929 // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1931. T. VI. S. 181–209.
- Tallgren A.M. Inner Asiatic and Siberian Rock Pictures // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1933a. T. VIII. Pp. 175–210.
- Tallgren A.M. Dolmens of North Caucasia // Antiquity. 1933b. Pp. 190–202.
- Tallgren A.M. Sur les monuments mégalithiques du Caucase occidental // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1934. T. IX. Pp. 1–46.
- Tallgren A.M. Archaeological Studies in Soviet Russia // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1936. T. X. Pp. 129–170.
- Tallgren A.M. Sur les antiquités trouvées depuis la guerre dans l'Asie septentrionale // Journal de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki, 1938. T. XLIX: 1. Pp. 47–60.

S.V. Kuzminykh

**M.P. GRYAZNOV AND A.M. TALLGREN:
THE LETTERS OF 1926–1930TH**

The correspondence of the worker of the Ethnographical department of the State Russian Museum M.P. Gryaznov and the Finnish archaeologist, the editor of journal «Eurasia Septentrionalis Antiqua», professor A.M. Tallgren delivered to us a various information about the Gryaznov's activity in the latter half of the 1920th. The subject of this dialogue were first of all the researches and progress of this young Russian scientist. The intercommunication with the one of the leading European archaeologists undoubtedly gave an impulse for the Gryaznov's creative development and promoted his formation as a searcher.

Keywords: history of archaeology, correspondence, «The Ethnographic materials», «Eurasia Septentrionalis Antiqua», The Bronze Age, Western Siberia, Altai, Kazakhstan.